

Кристалл Туаой бесшумно испускал мягкое свечение, заливавшее каждый уголок сектора Эрра ровным, ласкающим взор светом.

Морис сидел за письменным столом, сохраняя безупречную военную выправку: спина прямая как струна, плечи развернуты. Слегка наклонив голову, он сосредоточенно работал. Его длинные золотистые волосы струились по плечам подобно прохладному горному ручью, а весь его облик невольно внушал трепет.

За его спиной простиралась темно-синяя океанская бездна — безмолвная, дышащая первозданным холодом.

Морис слегка прищурился. Тонкие пальцы небрежным жестом расстегнули верхнюю пуговицу строгого воротника форменного кителя, однако ледяной взгляд оставался прикованным к строчкам данных, мерцающих на голографическом экране.

— Принеси мне ледяной воды. И не пожалей льда, — холодно распорядился Морис, коснувшись коммуникатора на левом запястье.

Из динамика раздался нежный женский голос:

— Слушаюсь, генерал.

— Позвольте узнать, господин генерал, я, как вы и велели, связалась с экспертом по древним языкам Роджером. Нужно ли направить ему повторный запрос?

— Нет необходимости, — лаконично бросил Морис. — Мне не нужны бездарные подчиненные, Кэтрин. Если он не справится даже с первым заданием, пусть Хендри немедленно займет его место.

На том конце линии Кэтрин на мгновение замешкалась:

— В таком случае Роджера переведут обратно под командование генерала Шермана?

— Это лишь мера предосторожности... У тебя есть еще вопросы, Кэтрин?

Почувствовав, как в глубине тела вновь зарождается едва заметная, но упорная волна жара, Морис помрачнел, и в его глазах блеснул холод.

Уловив в ледяном тоне командующего едва заметное раздражение, Кэтрин поспешно ответила:

— Никаких вопросов, генерал.

Вскоре после того как Морис прервал связь, в кабинет тихо вошла миловидная девушка. В руках она несла поднос со стаканом ледяной воды, в которую, зная привычки генерала, добавила колотый лед и несколько листиков мяты.

Морис даже не поднял головы, полностью поглощенный работой. Лишь когда помощница развернулась, собираясь уйти, он скользнул по ней безразличным взглядом ярко-синих глаз и обронил:

— Спасибо, Кэтрин.

Девушка прекрасно знала суровый нрав своего начальника, а потому лишь понимающе улыбнулась и бесшумно выскользнула за дверь.

Морис взял тяжелый стакан. Обжигающий холод, передавшийся кончикам пальцев, на время притушил искры желания, упорно разгоравшиеся в крови.

«Надо же, мне удалось сохранить рассудок почти до вечера, — подумал он, чувствуя, как внутри вновь зарождается вязкое, изматывающее томление. — Пока это вполне терпимо, но на сколько меня хватит? Три дня — это предел»

Морис слишком хорошо знал этот вязкий жар. Ему не раз приходилось испытывать эти изощренные, непреодолимые муки, но сегодня приступ накатывал на удивление мягко. Вчерашнее безумие... определенно подействовало лучше любого сильного успокоительного, обычно притупляющего нервные окончания.

Перед мысленным взором Мориса невольно возник образ Хань Цзина — его открытое, благородное лицо, обрамленное мягкими прядями, и глубокий, ласковый взгляд. Пусть этот человек и носил старомодные очки, за ними скрывалась удивительная теплота, напоминающая легкий весенний ветерок. Для сурового боевого офицера, привыкшего к холоду армейских будней, подобное чувство было в новинку.

Мимолетное воспоминание принесло с собой нежное тепло, которое тут же подхлестнуло внутреннее пламя. Опомившись, Морис нахмурился, сделал быстрый глоток ледяной воды и решительно прогнал наваждение, силой заставив себя вернуться к отчетам.

Однако холодная вода принесла лишь временное облегчение. Лёд быстро растаял под напором желания, засевшего глубоко в костях и плоти. Жар побежал по венам тонкими, едва уловимыми струйками, собираясь воедино и превращаясь в навязчивую, раздражающую истому, которую становилось всё труднее игнорировать.

Внезапно Морис почувствовал слабость в коленях. Оперевшись локтями о стол, он несколько

минут глубоко и размеренно дышал, пытаясь совладать со своим телом. Затем он рывком снял тесный форменный китель, оставшись в одной тонкой шелковой рубашке.

«Уже семь вечера... — Морис коснулся ладонью горячей щеки. — Сегодняшнее состояние вполне сносное, но завтра переносить этот зуд будет куда сложнее...»

Он страшился приближения ночи. На подсознательном уровне Морис отчаянно пытался избежать этой ураганной близости, способной дотла выжечь остатки его рассудка. Даже зная, что финал неизбежен, он твердо вознамерился сопротивляться искушению до последнего.

В этот момент на коммуникатор пришел вызов от Роджера. Страхнув наваждение, Морис ответил на звонок:

— Роджер?

— Да, господин генерал, — в голосе Роджера не осталось и следа от того легкомыслия, которое он обычно демонстрировал перед Хань Цзином. Собеседник говорил предельно собранно и почтительно: — Я отправил все материалы на ваш терминал. Пожалуйста, ознакомьтесь.

Морис открыл файл. Перелистывая страницы отчета, он хмурился всё сильнее. Напряженное молчание, затянувшееся на несколько минут, заставило Роджера на том конце провода изрядно понервничать.

Наконец Морис сухо обронил:

— Здесь нет ни слова о Хрониках падения Вавилона. Твой отчет поверхностный и непрофессиональный, Роджер.

— Виноват, генерал. У меня было всего полдня, поэтому пришлось собирать данные в спешке, чтобы вы могли составить общее представление. Если вы одобрите это направление, я немедленно продолжу изыскания...

— Когда будет готов полноценный доклад? — бесцеремонно перебил его Морис.

Роджер замялся, явно нервничая:

— Потребуется не меньше трех-четырех месяцев. Письменность разных эпох сильно отличается, к тому же мне понадобится помощь профильных историков.

Морис на секунду задумался.

— Хорошо. Я подключу к проекту Чэнь Юя и Рокки. Даю тебе три месяца. Жду подробный и безупречно проработанный отчет точно в срок.

На том конце линии послышался тихий вздох облегчения:

— Слушаюсь, генерал! Я не подведу!

Роджер уже приготовился услышать короткие гудки отбоя, как вдруг Морис добавил:

— Я даю тебе этот шанс только потому, что твои сегодняшние ответы звучат на удивление серьезно. Надеюсь, ты сохранишь этот рабочий настрой. И надеюсь, что через три месяца твоя работа заставит меня изменить мнение о твоих способностях.

— Так точно, сэр! — с готовностью отозвался Роджер и с облегчением отключился.

Когда Морис наконец разобрался с текущими делами и вышел из кабинета, сектор Эрра уже полностью опустел.

Освещение переключилось на приглушенный ночной режим. Вокруг царила прохлада, свойственная подводным комплексам в темное время суток. Перекинув через руку серый китель, Морис шел по пустым коридорам в одной тонкой шелковой рубашке. Он словно не замечал сквозняков, хотя его мочки ушей и шея горели от подступающего изнутри жара. Мужчина быстрыми шагами направился к жилому сектору Роедлас.

В секторе Роедлас царил глубокий полумрак. Мягкие световые панели почти угасли, знаменуя наступление глухой ночи.

Привычным жестом распахнув дверь своей квартиры, Морис замер на пороге. Вместо привычной сырой прохлады и глухой темноты его встретило мягкое, ласковое тепло, словно он внезапно перенесся на залитый солнцем пляж острова Сейдон.

«Надо же, замотался и совсем забыл о нем...» — Морис растерялся, пытаясь совладать с нахлынувшими мыслями.

В этот момент из глубины комнаты донесся мягкий голос:

— Вернулся? Морис?

Хань Цзин поднялся с дивана, усыпанного исписанными листами расчетов. Бросив быстрый взгляд на наручный хронометр, он непринужденно пошел навстречу вошедшему.

— Уже одиннадцатый час. Почему так поздно?

Хань Цзин спросил это так просто и естественно, словно они прожили вместе много лет, а его теплый, внимательный взгляд окутал Мориса искренней заботой. Генерал попытался сохранить на лице привычную маску ледяного безразличия, но в глубине его синих глаз промелькнуло смятение.

— Работа, — сухо обронил Морис, пытаясь унять затрепетавшее сердце.

Он сам не понимал, почему этот нехитрый вопрос вызвал в нем такую бурю эмоций. Не дожидаясь ответа, он прошел мимо Хань Цзина в спальню, небрежно бросил китель на кровать и скрылся в ванной комнате, плотно притворив за собой дверь.

Хань Цзин, так долго ждавший возвращения своего возлюбленного и надеявшийся провести с ним уютный вечер, лишь разочарованно вздохнул. Словно наткнувшись на невидимую стену, он проглотил готовые сорваться с губ нежные слова. Подойдя к кровати, мужчина аккуратно взял серый генеральский китель, который еще хранил на себе тонкий шлейф холодного парфюма Мориса.

Поглаживая пальцами золотые нашивки четырехзвездного генерала, Хань Цзин задумчиво прикусил губу. Нужно было решить, как растопить эту неприступную ледяную глыбу.

Оставшись один, Морис быстро сбросил одежду. Кожа под его пальцами казалась обжигающе горячей. Легкое покалывание, терзавшее его днем, теперь превратилось в бурные потоки раскаленной лавы, которая неумолимо растекалась по венам, разжигая спрятанное в самой глубине души пламя. Желание пускало глубокие корни, распускаясь внутри ядовитым цветком.

Сдерживать себя становилось всё труднее. Тело словно покрылось невидимой зудящей сеткой: казалось, тысячи крошечных муравьев медленно ползает под кожей, впиваясь в каждую клеточку тела. Их укусы становились все ощутимее, вызывая у Мориса глухое раздражение и невыносимый зуд.

Когда он шагнул под душ, его лицо тут же обдало клубами густого горячего пара. От резкого перепада температур по позвоночнику пробежала судорожная дрожь, а пах мгновенно отозвался волной непреодолимого возбуждения.

«Проклятье...» — в синих глазах Мориса вспыхнул гнев.

Ничего не подозревающий Хань Цзин негромко позвал из спальни:

— Морис, на глубине по ночам довольно зябко. Я заранее согрел воду, иди купайся!

Морис до боли стиснул зубы и резко крутанул вентиль смесителя до упора в синюю зону.

Подставив разгоряченное тело под струи ледяной воды, он заставил себя замереть, медленно прикрыв веки и отдаваясь во власть очищающего холода.

«С тех пор как случилась та авария в Атлантиде, я навсегда лишился покоя и простого человеческого тепла...»

«Неужели так будет всегда? Я же просто сойду с ума...»

Вспомнив те мучительные полгода, что разделили его жизнь на "до" и "после", этот обычно суровый и гордый человек впервые позволил себе секундную слабость. На его лице отразилось горькое отчаяние.

Убедившись, что ледяной душ на время притушил бушующее внутри пламя, Морис выключил воду и неторопливо вышел из кабины. Прямо под рукой на вешалке лежало аккуратно сложенное чистое полотенце, а рядом висел мягкий халат. Всё было разложено так удобно, будто предугадывало каждое его движение.

Морис на секунду замешкался, разглядывая вещи, после чего молча взял полотенце. Быстро вытерев влажную кожу, он набросил на плечи приготовленный халат.

На умывальнике его ждал стакан с теплой водой для полоскания рта и зубная щетка с уже нанесенной пастой.

Генерал нахмурился. В груди шевельнулось странное, щемящее чувство. Жить под одной крышей с другим человеком оказалось куда сложнее, чем он думал: от его присутствия невозможно было отмахнуться. Хань Цзин умудрялся незримо касаться каждой мелочи в его быту.

— Как сходил в душ? Вода была достаточно теплой? — Хань Цзин, уже успевший расстелить постель, с надеждой поднял глаза на вышедшего из ванной Мориса.

Мокрые золотистые пряди, похожие на дорогой шелк, обрамляли бледное, словно высеченное из тончайшего фарфора лицо Мориса. Из-под неплотно запахнутого ворота халата виднелись изящные ключицы и безупречно белая кожа. При виде этой картины в душе Хань Цзина мгновенно вспыхнула нежность. Преодолевая робкое благоговение перед грозным видом партнера, он мягко улыбнулся и шагнул вперед, проигнорировав предостерегающий взгляд синих глаз.

Но заключить генерала в объятия ему не удалось. Морис мгновенно среагировал, выбросив вперед локоть, и с чисто военной точностью нанес Хань Цзину ощутимый удар в грудь. Сдавленно охнув, тот отпрянул назад и согнулся, потирая ушибленное место.

— Держи себя в руках. И на будущее: не нужно совать нос в мои дела и навязывать мне свои

заботы, — ледяным тоном процедил Морис. Его суровый взгляд буквально пригвоздил партнера к месту.

Увидев, что Хань Цзин притих и больше не пытается заигрывать, Морис удовлетворенно кивнул и направился к кровати. Он искренне надеялся, что после этой взбучки мужчина оставит его в покое хотя бы до утра.

Однако он жестоко просчитался.

Стоило Морису лечь на свою половину, даже не успев отвернуться к стене, как Хань Цзин бесшумно скользнул под одеяло с другого края и тут же придвинулся почти вплотную. Генералу пришлось резко повернуться, чтобы одарить наглеца очередным уничтожающим взглядом.

— Да я ведь тоже только что из душа... — с самым невинным видом прошептал Хань Цзин.

— Отодвинься, — жестко приказал Морис.

Хань Цзин на секунду замер, затем подпер голову рукой и лег на бок, устроившись прямо напротив Мориса. Теперь их лица разделяли считанные сантиметры, и генерал чувствовал его ровное, теплое дыхание.

— Если бы ты сам постоянно не напоминал мне о дистанции, я бы даже не думал ни о чем таком... — Хань Цзин мягко улыбнулся, глядя на него с бесконечной нежностью.

Лицо Мориса слегка дрогнуло, но прежде чем он успел вставить хоть слово, Хань Цзин продолжил:

— Вчера ты горел так сильно, словно хотел расплавить меня целиком. Скажи честно... тебе сейчас очень тяжело?

У Мориса перехватило дыхание. В голове вихрем пронеслась мысль о том, что у людей науки действительно напрочь отсутствует инстинкт самосохранения. Он делает это нарочно или действительно настолько слеп, что не замечает угрозы в моих глазах?!

— Давай просто поговорим, Морис, — тихо попросил Хань Цзин, не отводя теплого, обволакивающего взгляда.

— Сегодня я принес присягу о неразглашении и впервые увидел того серебряноволосого атланта с золотыми глазами. Пусть это была всего лишь трехмерная проекция, но он казался настолько совершенным... Словно в нем воплотилась вся красота этой вселенной.

— Морис, как думаешь, он мужчина или женщина? — спросил Хань Цзин, пытаясь расшевелить собеседника.

Морис, несмотря на напускную холодность, ненадолго задумался, а затем неохотно ответил:

— Мужчина.

— М-м-м... — Хань Цзин весело прищурился. В его темных глазах заплясали озорные искорки, выдавая неподдельную радость.

— Я тоже так подумал. Прямо как ты.

Он на секунду умолк, устремив на партнера сияющий взгляд. Морис лишь недоуменно нахмурился, не понимая причин такого внезапного воодушевления.

— И все же... до сих пор не верится, что мы — потомки атлантов, наследники великой цивилизации Альтеран. Оказывается, человечество обладает колоссальным скрытым потенциалом, а наша история уходит корнями в такие невероятные глубины.

В синих глазах Мориса промелькнуло сложное чувство, подернувшись привычной ледяной дымкой. Он долго хранил молчание.

Хань Цзин незаметно придвинулся еще ближе, его пальцы слегка коснулись рассыпавшихся по подушке золотистых волос.

— Что скажешь, Морис?

Генерал задумчиво прикрыл глаза, подбирая слова.

— Пусть атланты и называли нас последней надеждой своей расы, на самом деле человечество — да и вся наша галактика — были для них лишь масштабным научным экспериментом. Между нами лежит непреодолимая пропасть.

Его ровный, бесстрастный голос звучал подобно каплям воды, падающим на холодный камень, но эти слова заставили Хань Цзина серьезно задуматься.

— Мы — продукт их творения, а не прямые кровные наследники.

— Атланты были лишены половых различий, представляя собой абсолютное, гармоничное совершенство природы. Почему же нас они сделали раздельнополыми? Обрекли на вечный поиск своей половины, без которой наш вид попросту угаснет и вымрет?

— Да, благодаря современным генетическим технологиям мужчины теперь тоже способны вынашивать потомство. Но это лишь доказывает, что изначально в нас была заложена возможность совмещения обоих полов. В сытые времена это кажется незначительной деталью, но в суровые первобытные эпохи выживаемость гермафродитов была бы в разы выше, чем у раздельнополых существ.

— И все же атланты сознательно лишили нас этого эволюционного преимущества. Никто не знает почему. Впрочем, раз уж человечество благополучно преодолело все кризисы и построило нынешний мир... возможно, создатели знали, что делают.

Хань Цзин внимательно слушал его рассуждения. Ему показалось, что в словах генерала сквозит скрытое неприятие по отношению к великим предкам — в отличие от детского восторга, который выказывал по этому поводу генерал Шерман.

— Ты настроен довольно пессимистично, Морис... — тихо заметил Хань Цзин. Воспользовавшись моментом, он незаметно сократил последнее расстояние между ними и нежно обнял Мориса за талию.

Почувствовав чужие руки, Морис резко оборвал свою речь и, недовольно сверкнув глазами, отвернулся к стене.

Но упрямый математик и не думал сдаваться. Прильнув к широкой спине генерала, он навалился на него всем телом, крепко прижимая к себе.

Ощувив навалившуюся тяжесть, Морис хотел было в ярости спихнуть наглеца с кровати. Но тут горячие, влажные губы Хань Цзина коснулись его шеи, мочки уха и плеч — самых уязвимых зон. Раскаленный спазм мгновенно парализовал волю генерала. Тело предательски размякло, а вялая попытка оттолкнуть партнера стала больше похожа на ласку.

Почувствовав эту слабость, Хань Цзин сжал объятия еще крепче. Он прижимался к Морису со спины, делясь своим жаром через тонкую ткань шелковой рубашки.

Морис отчаянно цеплялся за остатки самообладания, но дремавшее в крови вожделение вспыхнуло с новой силой. Присутствие этого человека подействовало на его недуг подобно маслу, плеснутому в тлеющий костер. Тело генерала сотрясала мелкая дрожь, каждая клетка кричала о желании обладать им.

«Проклятье!» — Морис разрывался на части.

Рассудок требовал прекратить это безумие, но трение разгоряченной кожи доводило его до исступления, заставляя сердце испуганно замирать при каждом новом прикосновении.

«Неужели... это и есть то самое проклятие Атлантиды?!» — в душе его поселилось глухое

отчаяние.

Он стал настолько чувствительным, что не мог вынести даже мимолетной ласки.

Хань Цзин продолжал осыпать его поцелуями: его губы скользили от уха вниз по изящной шее, задерживаясь на влажных от пота лопатках. Однако, почувствовав, как его собственное желание грозит перерасти в неуправляемую бурю, он волевым усилием заставил себя остановиться.

Морис замер, ожидая продолжения натиска, но вместо этого почувствовал лишь легкое, невесомое прикосновение губ к своему виску.

— Доброй ночи, Морис, — прошептал Хань Цзин.

Морис распахнул потемневшие от вожделения глаза. Костер уже разгорелся слишком сильно — теперь у него не было сил терпеть эту сладкую пытку. Каждая клеточка его тела умоляла о разрядке.

Хань Цзин дотянулся до панели управления на прикроватной тумбе. Плотные шторы медленно закрыли прозрачный кристалл Туаой, погрузив комнату в абсолютную темноту.

— Засыпай, — Хань Цзин напоследок коснулся губами лопатки генерала и собрался было отвернуться.

Но в ту же секунду его запястье перехватила крепкая хватка.

— Ты?! — выдохнул Хань Цзин, прежде чем его увлекли за собой, и он оказался лежащим поверх горячего, дрожащего тела Мориса.

Морис решил больше не сопротивляться судьбе. Какая разница? Им все равно придется делать это постоянно. Пусть эта близость станет для него очередным приемом лекарства, успокаивающего измученные нервы.

Он подался вперед, раскрываясь навстречу. Хань Цзин на мгновение растерялся, не веря, что этот гордый и холодный человек может проявить инициативу.

Почувствовав секундное замешательство партнера, Морис недовольно нахмурился в темноте. Врожденная гордость не позволяла ему сделать больше ни одного шага навстречу — сама мысль об этом казалась ему унижительной.

Хань Цзин быстро пришел в себя. Он крепко обнял генерала, попутно избавляя их обоих от одежды.

Прижимая к себе дрожащее тело Мориса, Хань Цзин покрывал его лицо поцелуями, шепча в самые губы:

— Я люблю тебя, Морис...

В непроглядной тьме они слились в едином порыве безумной страсти. Просторное ложе жалобно заскрипело под тяжестью их тел. И вскоре в душном ночном воздухе зазвучали прерывистые, полные сладкой муки стоны, взлетающие все выше и выше к потолку подводной спальни.

<http://bllate.org/book/19677/1959706>